

В. С. Трофимова
г. Санкт-Петербург, Россия

РОССИЯ И РУССКИЕ В РОМАНЕ КАРИНЫ БУРМАН «ДЕСЯТАЯ МУЗА»

Роман современной шведской писательницы Карины Бурман (род. 1960 г.) «Десятая муза» вышел в свет в 1996 году и был высоко оценен шведскими критиками. Его сравнивали с романами Умберто Эко. В 2000 году он был издан в русском переводе Марии Магнуссон и Анны Савицкой с предисловием профессора Санкт-Петербургского государственного университета Ирины Петровны Куприяновой в издательстве «Европейский дом». Антимилитаристский, пацифистский пафос романа не потерял своей актуальности и в наши дни. В жанровом отношении он сочетает в себе элементы исторического романа, интеллектуального детектива и университетского романа [1, с. 106]. По структуре он напоминает роман «Обладание» («Possession») Антонии Байетт, но в нем присутствуют иные временные пласты. В романе их два – начало XX века и рубеж XVII–XVIII веков. Пласт конца XVII – начала XVIII вв. раскрыт в романе только в эпистолярной форме и через рефлексию главной героини. О перемещениях между двумя эпохами упоминает в своей статье российская исследовательница Полина Лисовская, однако специально роман К. Бурман она не анализирует [2, с. 138]. В романе переоценивается роль женщин в литературе и в литературоведческой науке, хотя сама К. Бурман никогда не позиционировала себя как радикальную феминистку.

В романе «Десятая муза» доцент Элизабет Гран, ученый-литературовед из начала XX века, занимается сбором материалов для академического издания писем шведской поэтессы Софии Элизабет Бреннер (1659–1730) (в реальной жизни сама писательница пыталась искать в российских архивах стихотворение Бреннер на воцарение императрицы Екатерины Первой, но потерпела неудачу, как и другие исследователи). В процессе поисков Элизабет Гран проходит девять кругов – девять кругов ада Данте. Героиня переосмысливает собственную жизнь и свою женственность. В романе сопрягаются события рубежа XVII–XVIII веков и первых десятилетий XX века, в особенности в восьмом круге. В ситуации начала XVIII века торжествует

мир, в то время как в ситуации 1910-х годов разгорается война и революция. Наибольший интерес для российского читателя представляет собой девятый круг – последняя глава романа, в которой действие происходит в России в марте 1917 года. Одним из центральных персонажей романа является князь Феликс Феликсович Юсупов, с которым у главной героини несколько лет продолжается любовная связь, представленная в ироническом ключе. Именно в Петрограде Элизабет Гран находит ключ к тайному женскому обществу, которое возглавляла Бреннер. События в России – апокалипсис, свидетельство того, что старый мир гибнет.

Князь Феликс Юсупов впервые появляется в третьем круге – в третьей главе романа. Третий круг дантовского ада – это обжоры и гурманы, и тема вкусной еды и приятного времяпрепровождения присутствует в этой главе, но в ней еще больше иронических отсылок ко второму кругу – страстные любовники. Вся линия с Юсуповым представлена в абсолютно ироническом ключе, начиная со знакомства, когда героиню покусала его собачка, и заканчивая событиями из последней главы, которые происходят в России. В этой линии нет никакой романтики, никаких глубоких переживаний. Сама героиня также иронизирует по поводу своих отношений с Феликсом Юсуповым. Она понимает, что для нее это сугубо поверхностная любовная связь.

Элизабет практически сразу понимает, что Юсупов – русский: *Он явно был русским и, очевидно, хорошо владел языками, хоть и не немецким, и, возможно, и далее был столь же хорош, как и его ноги* [3, с. 80]. Юсупов – ухоженный и изысканный красавец, в котором есть *что-то феодальное, привычка небрежно обходиться с человеческими жизнями* [3, с. 82]. В нем сильное животное начало – недаром героиня обнаруживает, что у него много общего с его собачкой – бульдогом Панч. Они вместе посещают Берлинский зоопарк, с которым у Юсупова связано первое яркое воспоминание о детстве, связанное с осознанием собственной мужественности. Этот эпизод, включая характер бульдога, заимствован из «Мемуаров» самого Феликса Юсупова. В романе присутствует юмористическое отношение к его сексуальной ориентации, однако, его связь с Элизабет гетеросексуальная и «нормальная» с точки зрения тогдашнего общества.

Помимо пережитков феодализма, животного начала и жестокости, русский аристократ в романе ассоциируется с театром, вернее, с оперой. Феликс Юсупов и Элизабет Гран слушают в Берлине «Евгения Онегина». *Хотя мой интерес и был поначалу деланным, интриги оперы меня захватили, – признается героиня* [3, с. 90]. Она ощущает близость двух стран – своей родины и родины Феликса: *С потолка западал театральный снег, и кулисы превратились в холодную звездную зиму. Это могла быть Россия или, с таким же успехом, Швеция* [3, с. 90–91]. Сцену дуэли, однако, Юсупов не дает досмотреть Элизабет, так как она вызывает в нем печальные воспоминания о гибели на поединке его родного брата. Автор снова подчеркивает феодальность русского князя, его бесцеремонность и при этом неотразимость. Сцена первой ночи, проведенной главной героиней с Юсуповым, решена, как

и все сцены с ним до того, в ироническом ключе. Карина Бурман, по всей видимости, при написании всего эпизода вдохновлялась дневниками самого Феликса Юсупова, которые полны иронии.

Таким образом, уже в третьей главе романа русский мужчина-аристократ ассоциируется с феодальностью, имперским блеском, сексуальностью и театральностью. Русскость Юсупова – это и его происхождение от татар, и его принадлежность к великой русской культуре XIX века с оперой П. И. Чайковского «Евгений Онегин», и великолепие Москвы и Петербурга. Россия Карины Бурман – это европейская Россия, часть Европы.

Девятый круг начинается цитированием газетных сообщений об убийстве Григория Распутина, что очевидно, раз Феликс Юсупов является одним из персонажей романа. Согласно примечанию автора, это сокращенные тексты шведских статей, которые, в свою очередь, ссылаются на английские газеты. В первой статье приводятся подробности смерти Распутина, а Юсупова называют его убийцей. Другие скандальные подробности жизни Юсупова в романе не обсуждаются. Вторая статья живописует глубокий кризис, в который погрузилась Россия: нищета, необразованность крестьян, набожность, граничащая с идолопоклонством. Власть тоже находится в катастрофическом состоянии: *Управление государством плывет по течению, как выброшенный в Неву труп* [3, с. 258]. При этом в романе отсутствует русофобия, нет презрительных или излишне радикальных суждений о русской истории. Дается сухое изложение фактов и краткое описание событий.

Элизабет Гран приезжает в предреволюционный Петроград вместе с подружкой Теей – преподавательницей латыни. Цель Элизабет – найти недостающие письма Бреннер, которые должны храниться в семье Юсуповых. Бреннер была главой женского тайного общества десяти. Решение о поездке в Россию главная героиня принимает еще в восьмой главе, в которой, как уже было сказано, сближаются события Северной войны и Первой мировой войны. В той же главе, восьмой, Север провозглашается колыбелью мировой культуры.

Элизабет попадает в Петроград, который кажется ей вполне подходящим для *Средиземного моря* со своей пестротой и блеском [3, с. 260]. *Здесь прекрасным и совершенно удивительным образом север сочетался с востоком*, – отмечает Элизабет, захваченная красотой российской столицы [3, с. 260].

Элизабет и Теа приезжают во дворец Юсуповых на Мойке, и главная героиня представляется другом князя и его матери. После непродолжительных препирательств с лакеем им предоставляют две комнаты, в которых множество ценных вещей, но все они запачканы грязью. Ирония при описании дворца и самого Феликса Юсупова несколько ослабевает по сравнению с третьей главой и сменяется более серьезной интонацией, хотя комический элемент по-прежнему присутствует. Так, Юсупов принимает Элизабет за призрак убитого им Распутина: *Я говорила не по-русски. Мой голос не был похож на голос сибирского монаха. Но говорить об этом не имело никакого*

смысла [3, с. 266]. В этом эпизоде образ русского князя ассоциируется с безумием и зверством войны. На плане начала XVIII века возникает таинственный образ княгини Зинаиды Юсуповой, корреспондентки Бреннер и одной из сестер тайного женского ордена [1, с. 109–110]. Таким образом, Россия входит в семью европейских народов, стремящихся к миру, как равная и, более того, как окажется, будет играть в ней в XVIII веке ведущую роль.

Бурман продолжает рисовать картины Петрограда начала марта 1917 года по новому стилю. С одной стороны – это роскошный имперский город, с другой стороны – это центр пугающих революционных событий. В романе возникает аллюзия на события Великой французской революции. Сначала сравнение Николая II и Александры Федоровны с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой кажется Элизабет Гран фантазией: *Возможно, чуть полноватая царица, сидя за своим столом, заламывала свои пухленькие ручки и удивлялась, почему мужики не едят булку?* [3, с. 264]. Но этой аллюзией на известную легенду о Марии-Антуанетте дело не ограничивается. Сравнения с Великой французской революцией используются в тексте все чаще. Здесь и звуки Марсельезы на улице, лозунг *на фонарь аристократов*, который вспоминает Теа [3, с. 271]. Когда Элизабет становится свидетельницей столкновения манифестантов с полицией 9 марта 1917 года, она прямо признается: *В моей памяти живо всплыли кровавые события французской революции* [3, с. 272]. Описания революции в романе внешние, хотя и точные, с использованием штампованных, рубленых фраз, например, в записи от 9 марта: *Город уже больше не спал. Сотни тысяч людей вышли на улицы Петрограда. Власти вызвали казаков <...> Город охватил мятеж. Началась революция* [3, с. 270–271]. Порой чувствуется и ирония по отношению к происходящему: *Водители и кондукторы побросали свои трамваи, – возможно, они тоже занимались созданием новой России* [3, с. 272].

Девятый круг «Ада» Данте – круг, в котором предатели обречены на вечные терзания в ледяном болоте. Образ русской зимы, которая крепко держит людей «в своих когтях», и ее союзника – войны – в этом эпизоде один из центральных. Предательство в этой главе – это предательство Теи, которая предала идеи пацифизма, ненасилия в пользу революции и перешла на сторону революционеров. Она нашла в Петрограде русскую студентку – специалистку по римской истории Ливия. В записи от 11 марта именно эта неназванная русская героиня говорит: *Весь город охвачен восстанием, и содержание этих слов приобрело некий дополнительный оттенок оттого, что они были высказаны на ломаной классической латыни* [3, с. 277]. Теа решает остаться в Петрограде и не возвращаться пока в Швецию. Об Элизабет нельзя сказать, что она кого-то предает. К революционным событиям она продолжает относиться с большим подозрением.

Последняя запись с точной датировкой в этой главе – запись от 12 марта 1917 года – с новой силой дает описание русской зимы и несет в себе явную аллюзию на девятый круг ада. Страшный образ замерзшей во льду девочки

сменяется кратким заключением относительно состояния главной героини: *Совершенно замерзнув, я согревалась возле костра, сложенного из символов старой власти* [3, с. 279].

В последней главе происходит кульминация романа – встреча Элизабет с родственницей Феликса Юсупова – «древней бабушкой», княгиней Татьяной Шаховской, наследницей Софии Бреннер на посту главы женского ордена. Это полумифический персонаж – то ли реальная женщина, знакомая с императрицей Екатериной Второй, то ли видение главной героини. Между тем, встреча происходит в реальном дворце Юсуповой на Литейном проспекте. Хотя Элизабет Гран и находит разгадку тайного женского ордена и преемницы Бреннер на посту его главы, сами письма Бреннер, которые она возит с собой, гибнут во время пожара в гостинице в Петрограде. Девятый круг заканчивается фантастическим видением тройки, несущейся на север, над «русской тундрой» и цитатами из Откровения Иоанна Богослова. Библейский пласт очень важен в языковом плане, так как скандинавские языки развивались в непосредственной зависимости от переводов на них Библии. С другой стороны, иностранные путешественники первой половины XX века нередко уподобляли поездку в Россию сошествию в дантовский ад.

К. Бурман делает русского князя любовником главной героини, отмечая его физическую привлекательность, животное начало и феодальное могущество. Яркие образы русских женщин в романе отсутствуют. Между тем, писательница отводит России особую роль. Не только главой женского союза оказывается русская, но и письма Бреннер оказываются в России, в Петрограде. Подспудно присутствует аллюзия на Россию Петра Первого – тоже революционную Россию, становящуюся частью Европы. Таким образом, Россия в романе К. Бурман «Десятая муза» играет ключевую роль как в связи с революцией, так и в связи с женским союзом. Целью женского ордена было установление мира, но в ситуации 1917 года торжествует война.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимова, В. С. Образ Хуаны Инес де ла Крус и аллюзии на ее поэму «Первый сон» в романе Карины Бурман «Десятая муза» / В. С. Трофимова // Литература в контексте современности: сборник материалов XV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Челябинск, 15 декабря 2023 г.) / отв. ред. Т. Н. Маркова. – Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023. – С. 106–110.
2. Лисовская, П. А. О взаимоотношениях постмодернизма, христианства и идей эпохи Просвещения в творчестве Пера Улова Энквиста / П. А. Лисовская // Скандинавская филология. – 2006. – №8. – С. 136–149.
3. Бурман, К. Десятая муза: роман / Карина Бурман; пер. со швед. М. Магнуссон и А. Савицкой. – СПб. : Европ. дом, 2000. – 294 с.